

троицкий

trv-science.ru

наука

вариант

Home / 2019 / Июнь / Памяти Ильи Абрамовича Леенсона

Q

Памяти Ильи Абрамовича Леенсона

☎ 18.06.2019 / № 281 / с. 16 / 👤 Алексей Огнёв, Ирина Левонтина, Александр Пиперски, Аркадий Курамшин, Галина Цирлина, Анастасия Ростоцкая / 📁 Личность / 💬 [Один комментарий](#)

В конце мая трагически ушел из жизни **Илья Абрамович Леенсон**, автор многочисленных научно-популярных книг и статей о химии и обо всём на свете. Мы попросили его коллег поделиться своими [воспоминаниями](#).

И.А.Леенсон на Дне химика в МГУ (2006 год). Фото из семейного архива

Алексей Огнёв, выпускающий редактор ТрВ-Наука:

Илья Абрамович Леенсон был на редкость остроумным [человеком](#). Мне очень жаль, что нам не довелось познакомиться лично. Он никогда не отвечал на письма односложно, всякий раз раздражаясь фейерверком притч, еврейских анекдотов или рассказов из жизни. Осмелюсь предположить, что Илья Абрамович не возражал бы против публикации небольшой юморески из письма от 14 апреля 2018 года.

Химик утром приходит на работу и обнаруживает, что в лаборатории исчезли все реактивы и вся химическая посуда. Он идет в магазин и покупает для работы взамен реактивов лаки, краски и растворители, а для замены посуды — чашки, стаканы и кастрюли. Сложив всё это в большой мешок, он начинает подниматься на высокую каменную башню. От стен веет холодом, через узкие окна видны далекие поля и леса, а двумя пролетами ниже за ним поднимается девушка. С трудом дойдя до верха, химик быстро снимает с себя одежду, бросает вниз мешок и прыгает сам, но, не долетев до земли, просыпается в холодном поту. И понимает, что он первокурсник, сидит на контрольной по немецкому языку и никак не может перевести на русский *“Ein mit Wasser gefüllt umgekehrt in die Wanne auch mit Wasser gefüllt stehende Zylinder”*. Тогда он снова просыпается и опять оказывается на контрольной, на этот раз по математике,

и думает о том, как доказать теорему:

Wie? O! Dies π macht ernstlich so vielen viele Müh!
Lernt immerhin, Jünglinge, leichte Verselein,
Wie so zum Beispiel dies dürfte zu merken sein!

Достав шпаргалку, он тщательно переписывает в тетрадку доказательство:

How I like a drink, alcoholic of course,
after the heavy lectures involving quantum mechanics!

Пересчитав число букв в каждом слове и получив тот же, но укороченный ряд 314159265358979, который он считает сходящимся, химик в третий раз просыпается, на этот раз уже окончательно, и думает о том, что давно обещал написать [очередную статью в ТрВ про монетные металлы](#). И что зря читал на ночь Милорада Павича и Томаса Бернхарда.

[Ирина Левонтина](#)

Ирина Левонтина, канд. филол. наук, вед. науч. сотр. сектора теоретической семантики Института русского языка РАН

Илья Абрамович Леенсон — человек, которому природа вообще не отмерила зла. Вот просто состоявший из одного добра, лучившийся [добро](#)той. С мягкой улыбкой шолом-алеихемовского героя и вечными шуточками, по которым легко опознавался представитель естественных наук. Леенсон был химиком и замечательным популяризатором химии. Но и гуманитарное знание вызывало его живейший интерес. Благо носительница гуманитарной премудрости всегда была рядом с ним — его чудесная жена, филолог Евгения Семёновна Абелюк. В детстве я занималась

у нее в литературоведческом кружке. С того времени и помню Илью Абрамовича, и мое первое воспоминание о нем — как раз про шутки. Что-то Евгения Семёновна ему сказала вроде: *хватит, мол, отпускать шуточки*, и он забормотал себе под нос: *опускать шуточки? А куда же они опускаются?*

О научных и популярных работах Леенсона лучше, конечно, могут рассказать химики, но я внимательно читала его книгу о названиях химических элементов и происхождении химической терминологии «Язык химии» (изд-во Сogrus, 2016). Это очень необычная книга, и я думаю, что она должна быть на столе у каждого хорошего преподавателя естествознания. Читая ее, постоянно находишься в непривычном, но приятном интеллектуальном состоянии от того, что тебе рассказывают одновременно и про химию (свойства веществ), и про этимологию (происхождение их названий). Дело в том, что современное образование и мышление современного человека устроены таким образом, что знания из естественных и гуманитарных наук лежат у нас в голове в совершенно разных ящиках. А ведь для Леонардо да Винчи или Ломоносова образ мира был единым. Придет время, и он снова будет единым, но пока для большинства из нас он расколот. Мы во власти дихотомии «естественнонаучное знание — гуманитарное знание». Но над Ильей Абрамовичем Леенсоном эта дихотомия была не властна.

Александр Гиперски, канд. филол. наук, науч. сотр. и ст. преп. факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики

Химию в школьные годы я не любил, но, как порядочный любопытный школьник, пытался заполнять пробелы в своих знаниях, читая популярные книги по этому предмету. Это не слишком мне помогло, но я запомнил только одно: по душе мне приходились только те, где на обложке написано «И. А. Леенсон». Каково же было мое удивление, когда я познакомился с этим человеком на Летней лингвистической школе в 2007 году — и оказалось, что он не только химик, но и большой любитель языков (особенно греческого, который, видимо, привлекал его и красивыми буквами, и нетривиальной историей). На школе я с ним виделся каждый год; надеялся встретиться и в 2019 году...

На занятиях Ильи Абрамович всегда сидел в первом ряду и активно задавал вопросы. Сперва это меня удивляло: это же для школьников, не для взрослых! — но вскоре я понял, что вижу перед собой человека с редчайшим умением — смело проявлять любопытство и интерес ко всем областям знания. В 2009 году к нам приезжал великий математик Владимир Арнольд. На один из вопросов Ильи Абрамовича он отреагировал резко: «Я это уже говорил! Повторять не буду!» Другой бы провалился сквозь землю, а вот Илья Абрамович совершенно не смутился и продолжал уточнять что-то по ходу лекции, помогая всем нам, стеснявшимся признаться в том, что далеко не всё понятно.

Поджиг лампы ДРШ-1000 (1971 год)

Но, конечно, еще интереснее было задавать вопросы самому Илье Абрамовичу: и про химию, и про жизнь, благо его кругозор был настолько широк, что поговорить с ним можно было обо всем. С равным удовольствием он делился своими знаниями и со школьниками, и с академиками. В 2011 году мы всё никак не могли унять одного восьмиклассника, который совсем не был готов соблюдать дисциплину; когда же пару дней он не делал ничего деструктивного, мы удивились, но вскоре узнали причину: оказывается, всё свободное время он проводит с Ильей Абрамовичем, который ставит с ним химические опыты.

Последняя история может показаться странной, но она отлично вписывается в образ Ильи Абрамовича: немного чудаковатого, но неизменно обаятельного человека, без которого наша жизнь теперь будет гораздо скучнее...

Аркадий Курамшин, канд. хим. наук, доцент кафедры высокомолекулярных и элементоорганических соединений Казанского федерального университета

Лично с Ильей Абрамовичем Леенсоном я познакомился в 1994 году, когда в Казани проводилась вторая в новейшей истории Всероссийская олимпиада школьников по химии, а я был еще аспирантом, которого распирало от значимости того, что его задачу взяли на соревнование такого уровня.

Конечно, заочно я был знаком с Ильей Абрамовичем и раньше — школьником решал его задачи на химических олимпиадах, школьником и студентом читал статьи в «Химии и жизни». А вот при знакомстве вживую сразу бросилась в глаза чрезвычайная живость ума (мою первую задачу, о которую сломало зубы большинство участников той олимпиады, он решил за три минуты, даже не прибегая к расчетам) и легкость в общении. Да, я понимал, что он старше меня, но мне казалось, что не больше, чем на десяток лет, — что он ровесник моих родителей, я узнал много позже.

Много сейчас говорят о статьях и книгах Ильи Абрамовича, а я хочу сказать про то, что и в своих олимпиадных задачах он оставался верен себе, делая так, что его задачи хотелось решать. Да, его задачи были посвящены теме, не очень привлекающей участников школьных олимпиад, — физической химии, но между тем — как можно было отказать себе в удовольствии засесть за

в консерватории

Малый зал Консерватории. Бах, Ариозо. Партия органа
Олег Янченко, студент Консерватории
(5 марта 1961 года)

Александр Гиперски

Аркадий Курамшин

Российская химическая олимпиада
(Белгород, март 1997)

различие возраста совсем не ощущалось. Среди них было просто приятно находиться, что-то там резать, клеить и общаться. С годами этот очаг неформального творчества несколько угас, но было много других тем для общения с Ильей — всегда в импульсном режиме, в рамках все ускоряющейся жизни.

С Ивановым_1979

Владимир Леонидович Иванов, зав.
учебно-научного отдела газеты
«Советский химик», и Илья Леенсон, его
заместитель (апрель 1979 года)

В основном это все было не о химии — поскольку Илья химию любил, а я наоборот. Право на «наоборот» признавалось с легкостью, а готовность к обсуждению филологических вопросов воспринималась с великой радостью. Изредка затрагивали вопросы электрохимии, если она вдруг встречалась на его широкой дороге научной популяризации. Илья даже меня умудрялся иногда втянуть в популяризацию, настолько был убедителен, говоря о ее необходимости — помню, например, он меня уговорил писать в «Химию и жизнь» ответы юным читателям на их смешные вопросы электрохимического толка. И мне даже понравилось. От него я

узнала, давным-давно, о *Journal of Chemical Education*, очень содержательном ACS-овском журнале, где, если покопать как следует, можно найти совершенно выдающиеся задачи и демонстрации, в том числе и вовсе не химические — естествознание едино...

Был Илья знатоком настолько разных вещей (и за пределами естествознания тоже), что приходилось регулярно удивляться. Например, ему я обязана ценным знанием об устройстве пустотелых гипсокартонных стен, на которые, тем не менее, при определенной сноровке, можно повесить книжные полки. Уж не говоря о химической кинетике, науке благороднейшей — Илья происходил с Семеновской кафедры химической кинетики, было это очень особенное место. Однажды он написал отличный (к сожалению, мало кому сейчас известный) обзор про отрицательные температурные коэффициенты скоростей химических реакций. Это тоже была в некотором роде популяризация, только внутри профессии. Но внутри ему, видимо, было тесно. И он из исходной профессии вышел в какой-то более разнообразный мир.

И оттуда регулярно подавал веселые сигналы, оповещал о событиях, за которыми многим в суете не уследить. Присылал забавные ссылки с такими *subj*, что, даже стоя на ушах от числа параллельно решаемых задач, невозможно было удержаться и ссылку не открыть. Илья был частью какого-то очень симпатичного и отчасти романтического сообщества людей с активной и правильной общественной позицией. Иногда меня достигали разные рассылки этого неформального сообщества, и возникало ощущение что территория вокруг не столь уж пуста. Это все находилось где-то вне нашего общего химфака, становившегося с годами все более прагматическим. Илья для меня — человек прошлого химфака: места, уникального в тогдашнем ландшафте по степени свобод и разнообразию содержательных людей.

Илья был удивительно внутренне свободен, независимо от обстоятельств. И совершенно свободен от каких-либо иерархий. У него было живое чувство текста, т.е. некоторая способность видеть человека, читая его текст. Когда-то при, как всегда, импульсном обсуждении очередной нобелевской премии (он переводил биографии лауреатов и их нобелевские лекции) Илья написал: «Я его в июне перевел и остался под впечатлением. Молодец, мужик!». Про некоторых других переводимых лауреатов высказывался в совсем ином ключе, но с такой же доходчивой простотой. Конечно, так и надо бы жить, читать и писать абсолютно естественным образом. Но это очень мало у кого получается.

Анастасия Ростоцкая, книжный редактор

С Ильей Абрамовичем я познакомилась в последний год прошлого тысячелетия. Издательство «Аванта+» собиралось в то время заняться подготовкой тома «Химия» для своей знаменитой тогда серии «Энциклопедия для детей». А поскольку мои родители и брат — химики, да и сама я геохимик, мы всей семьей затрепетали от любопытства, кто же станет научным редактором этого тома. Лично я никак не была связана с работой над этой книгой, но «Аванта+» всегда славилась своим уникальным и очень дружным коллективом, поэтому вся интересная и важная информация распространялась быстро по всему издательству. И вот прихожу я как-то вечером с работы и говорю папе: «Папа, я знаю, кто будет научным редактором “Химии” — Илья Абрамович

задачу, которая начиналась примерно так:

«Средняя калорийность пищи, которую мы едим, равна калорийности глицерина. Представьте, что вы питаетесь только глицерином (хотя, конечно в этом случае остается только посочувствовать вам)»...

Галина Цирлина, профессор кафедры электрохимии химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Не могу сообразить, когда мы познакомились с Ильей, потому что он был почти всегда. Скорее всего, повстречались в 1976 году в редакции химфакской стенгазеты, которую в давние годы выпускали люди креативные и с большим юмором. Они вели себя естественно и свободно,

Галина Цирлина

Анастасия Ростоцкая

Леенсон из МГУ». И тут мой обычно весьма сдержанный на похвалу и совсем неэмоциональный папа (Дмитрий Николаевич Трифонов, доктор хим. наук) вскрикивает от радости: «Илья! Да это же просто замечательно! Это самый лучший выбор!» Если честно, я сама в то время Илью Абрамовича не знала — но очень скоро с ним близко познакомилась, поскольку он в свою очередь обрадовался, что я дочь своего папы и смогу связать их напрямую, чтобы можно было заказывать папе статьи для этого тома. Время шло, дела двигались, Илья Абрамович стал всё чаще появляться в издательстве, и с ним познакомились и влюбились в него уже абсолютно все сотрудники. Это было неизбежно. Том «Химия» своевременно вышел и до сих пор успешно продается.

На химическом факультете МГУ (апрель 1976 года)

Через некоторое время дела у издательства пошли не очень хорошо, и в самом конце 2004 года нас окончательно попросили на выход. «Аванта+» возобновилась, но уже в совершенно ином виде и не там, и не та, и не затем... Но это уже отдельная история. А тогда мне пришлось внезапно искать новую работу. И так случилось, что в Консерватории я встретила свою очень хорошую знакомую, которая спросила, а не заинтересует ли меня работа в проекте по переводу на русский и публикации всех нобелевских лекций. Ха! Да разве может кого-то это не заинтересовать? Оказалось, что этот проект относительно недавно был запущен на базе издательства «Физматлит». Руководил всей этой гигантской затеей совершенно замечательный человек — Вячеслав Сергеевич Лобанков. Требовался координатор всего проекта. Я с восторгом согласилась, благополучно прошла все необходимые собеседования и приступила к работе.

Одна из номинаций — это химия. Разве можно было обойтись без Ильи Абрамовича?! Через пару месяцев после начала работы Илья спрашивал меня в письме: «...И с чего это вдруг Вы решили мне в мае позвонить?» Как же я могла ему не позвонить, если все знают, что мы говорим Леенсон — подразумеваем «химия», говорим «химия» — подразумеваем Леенсон! Также мы подразумеваем высочайшее качество работы и тщательнейшее соблюдение сроков. И какие бонусы

нас ожидают при работе и общении с Ильей Абрамовичем! В действительности я еще не знала, насколько он блистательный, великолепный переводчик.

Этот период сотрудничества с Ильей я всегда буду вспоминать с особым удовольствием и теплотой. В общей сложности Илья Абрамович перевел около 30 лекций за 1934–2007 годы, а также перевел биографии/автобиографии лауреатов и их речи на торжественном банкете — это был особый вид работы, Илья писал мне потрясающие письма с комментариями. После зачитывания выдержек из некоторых писем (с согласия автора, разумеется) работа на шестом этаже издательства «Наука» временно прекращалась — аудитория надрывалась от смеха.

При переводах возникали и проблемы — иной раз не очень хорошим было техническое качество исходного материала. Вот фрагмент одного из писем Ильи, показывающий, до чего же ответственно он подходил ко всему:

«Сегодня полдня (не преувеличивая) сидел над одной фразой, не понимая ее смысла, хотя о взрывных реакциях сам читаю лекции. Там было об «ignition arc», которая замедляет реакцию. Но «поджигающая дуга» или что-то в этом роде (у автора до этого искровой разряд использовался для фотолиза) может только вызвать взрыв. Я пересмотрел кучу наших и англоязычных книг по цепным реакциям, проштудировал интернет — бесполезно. Спрашивал у знакомых — все говорили, что ничего не понимают. Думал даже, что «дугой» автор неправильно называет «полуостров воспламенения» (на рисунках он действительно часто изогнут дугой), но много смысла это не прибавляло. Плюнул, пошел дальше, но заноза осталась. Несколько раз возвращался к этой фразе, пытаюсь сообразить, что бы это значило. И когда уже стемнело и за окном начались громовые раскаты — вдруг осенило: никакая эта не дуга (четко написано «arc»), а глагол «arc»!!! И всё стало на свои места! К сожалению, это не единственное такое место, но когда несколько раз я встретил цифру, а после нее «set», я быстро сообразил, что никакой «установки» здесь нет, а есть секунды (sec)... А вот «дуга» меня запутала надолго:((».

Но в общем и целом работа над этим объемнейшим проектом, как мне хочется думать, доставила Илье Абрамовичу много радости. Не говоря уже о тех, кто работал с ним вместе — редакторах, художниках, верстальщиках, корректорах. А что касается меня, то после нобелевских лекций нам, к обоюдному, смею надеяться, удовольствию довелось еще вместе поработать в издательстве «ОЛМА Медиа групп» над замечательной книгой Ильи Абрамовича «Загадочные заряды и магниты».

Но не только за совместную работу с Ильей Абрамовичем Леенсоном я благодарна Судьбе. Мы никогда не прекращали с ним общения. Он был заботливым и отзывчивым, добрым и внимательным... И останется таким в моем сердце навсегда — и даже дольше.

ABC Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

См. также:

- [Патриарх](#) (13.02.2018)

- [Он научил нас видеть красоту биологии](#) (05.12.2017)
- [Божественная искра](#) (13.03.2018)
- [«Он готов был работать сутками без сна и еды»](#) (10.10.2017)
- [«Без него нам будет темнее...»](#) (17.01.2017)
- [Человеческое достоинство стоит дорого](#) (06.10.2020)
- [Человек чести. История жизни](#) (17.11.2020)
- [Человек из мира Джека Лондона](#) (12.01.2021)
- [Физик, ставший химиком: Николай Николаевич Семёнов \(1896–1986\)](#) (18.10.2016)

Tags: [#281](#), [Александр Пиперски](#), [Алексей Огнёв](#), [Анастасия Ростоцкая](#), [Аркадий Курамшин](#), [воспоминания](#), [Галина Цирлина](#), [добро](#), [Илья Леенсон](#), [интеллект](#), [Ирина Левонтина](#), [Личность](#), [память](#), [человек](#)

✉ Подписаться ▼

Войти через | [авторизуйтесь](#)

1 КОММЕНТАРИЙ

Владимир Аксайский ⌚ 2 года (лет) назад

Несколько лет назад прочитал в «Элементах» статью с интригующим названием – «Радиоактивность внутри нас». Автор Илья Абрамович Леенсон. Это была перепечатка из журнала «Химия и жизнь» №7, 2009. https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431032/Radioaktivnost_vnutri_nas Мне понравилась манера и логика изложения, эрудиция автора в естественных науках – в общем, – блестящий искрометный образец научно-популярной литературы. Запомнилась статья концовкой. В очередной раз убедился – нельзя быть полным рабом никаких и ничьих мнений. Привожу заключительный абзац полностью – «...В заключение попробуем оценить, насколько нагрелась бы земная кора только за счет радиоактивного распада 40K, если бы в ней распалось всего 5% от имеющегося сейчас количества 40K – без учета тепловых потерь в окружающее пространство. Такое количество распадется за 95 миллионов лет. Будем считать, что калий распространен равномерно, а теплоемкость земных пород примем равной 1 Дж/(г·К). Сейчас в 1 кг породы содержится примерно 21 г калия, из которых на долю 40K приходится $21 \times 0,000117 = 0,0025$ г. При распаде в этой породе 5% 40K, то есть $0,0025 \times 0,05 = 1,25 \cdot 10^{-4}$ г, или $3,12 \cdot 10^{-6}$ моль, выделится $1,314 \cdot 10^6$ (эВ) $\times 96,5$ (кДж/(моль·эВ)) $\times 3,12 \cdot 10^{-6}$ (моль) ≈ 400 кДж. В отсутствие тепловых потерь это привело бы к нагреву земной коры на 400 K! Таким образом, распад калия-40 вносит заметный вклад в тепловой баланс Земли и, вероятно, других планет. Действительно, по разным оценкам, распад калия-40 дает от 10 до 15% суммарной скорости генерации энергии в земной коре.» Профессиональный оценочный расчет, причем Илья Абрамович подстраховался, дважды подчеркнув – «... в отсутствие тепловых потерь», но две последние фразы – явно реверанс мнению о значительном реальном вкладе радиогенного тепла в нагрев земной коры. Мнение спорное – покажу, сделав еще шаг в расчетах – оценку мощность тепловыделения в расчете на 1 кг породы – это $400 \text{ kJ} / (95 \cdot 10^6 \text{ yr} \cdot 1 \text{ kg}) \sim 1 \cdot 10^{-10} \text{ W/kg}$. Инженер-строитель вряд ли согласится учитывать вклад в нагрев здания за счет тепловыделения источника мощностью 10^{-10} W , спрятанного в каждом... [Подробнее »](#)

+ 0 0 – ➔ Ответить

Оценить:

■ ■ ■ ■ ■ (6 оценок, среднее: 5,00 из 5)